

О НОВЫХ возможностях, которые телевидение представляет теперь драматическому актеру, сказано много. И действительно, сколько бы творческих судеб сложилось иначе, сколько ролей не было бы сыграно, сколько лиц не вышло бы за пределы театральных подмостков, не будь глубокого экрана. Телевидение фиксирует состоявшееся, достигнутое, выдвигает едва возникающее,

душно-самоуверенная фигура Афанасия Ивановича, а вот чуть скорбившаяся от времени и от постоянной готовности услужить Афанасию Ивановичу, раствориться в нем — Пульхерия Ивановна; вот заезжий гость, привычно разглаживающий усы. Но все это чуть-чуть, намеком, слегка. Основ-

ЛИЦА

● Король Бобеш из рассказа «Сапоги».

позволяет иначе раскрыться известному. Оно не только сталкивает актера с самой широкой и разнообразной аудиторией, но постоянно воздействует на уровень восприятия этой аудитории, исподволь влияет на вкусы, сообщает определенную сумму эстетических знаний. И чем разнообразнее, неожиданнее, пластичнее те формы, которые при этом используются, тем значительнее эффект. И отрадно, что формы такие ищутся и находятся, что наши контакты с актером на телевидении становятся все многоплановее.

Вот два фильма телеобъединения «Экран»: «Эти разные, разные, разные лица...» (режиссеры И. Ильинский и Ю. Сааков) и «Старосветские помещики» (режиссер Ю. Сааков). Они как бы оставляют зрителя наедине с Игорем Владимировичем Ильинским, позволяют актеру продемонстрировать многое из арсенала своих выразительных средств, пройти через многократную трансформацию. В «Старосветских помещиках» трансформация эта достигается без чьей-либо помощи, так как построение фильма предельно просто и безыскусственно: на экране Ильинский, он читает прекрасную повесть Гоголя, и камера смотрит ему в лицо, как смотрел бы каждый из нас, окажись он на месте камеры. Внешне все предельно статично. Лишь порой актер присядет на кресло или в легком наброске передает пластику действующего лица. Вот старчески-торжественная, даже откинута слегка назад добро-

ное внимание актера сосредоточено на передаче внутреннего движения повести, ее особой поэзии, возникающей как бы из ничего, из ничтожных событий, наполняющих растительную и вроде ничемную жизнь двух стариков. Но сквозь эту ничемность с трогательной явственностью проступают глубина, пусть наивных, душевных движений, сила привязанности, грусть и неизбежность старения. Актер передает и авторскую иронию, и то человеческое тепло, которое он не может, не хочет прятать. За сорок пять минут Ильинский один воссоздает мир повести в его простых подробностях, трогательных нюансах и в его высокой поэтической сути.

В «Этих разных, разных, разных лицах...» Ильинский тоже почти один. Он представляет нам героев нескольких рассказов Чехова. Но принцип тут совершенно иной, это уже театр, а не эстрадное чтение. Контрастность и многообразие здесь достигаются не только средствами внутренними, но и в очень существенном — внешними: костюм, парик, грим.

Ильинский играет 24 роли. И поэтому он — каждое лицо на экране. Чиновник, чихнувший на генерала в театре, и генерал, на которого чиновник чихнул. Хам-помещик и гувернантка, которую он оскорбляет, прокурор и подсудимый, пьяный оратор на похоронах и чиновник, заживо им «похороненный». Актер проходит через все слои общества, меняет возраст и пол, изображает власть имущих и сирых, хитрых и простодушных, хамелеонов, тупиц и трусов, пьяниц, ловеласов и самодуров. Целый калейдоскоп лиц, суммирующихся в пеструю, подвижную картину российской действительности. Правда, надо отметить, что количество исполняемых ролей иногда мешает качеству исполнения, распыляя силы актера, или передаче качества, требуя излишнего усложнения съемок. Но это детали. И не они существенны в данном случае. Оба фильма — явление отрадное, они подарили зрителю не только еще одну встречу с любимым актером, но и актеру позволили продемонстрировать разные грани своего дарования. Будем надеяться, что фильмы подобного рода станут традицией, что через них пройдут многие мастера.

К. ТИМОФЕЕВА.

Соб. Кульшипра, 1972, 15 окт.